

УДК 82

Виды и формы интертекста как взаимодействия текстов**Корниенко Сергей Анатольевич**

Аспирант,

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
111024, Российская Федерация, Москва, ш. Энтузиастов, 21;
e-mail: sergeykornienko@mail.ru

Герейханова Камилла Фезамеддиновна

Аспирант,

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
111024, Российская Федерация, Москва, ш. Энтузиастов, 21;
e-mail: kamilla@adm.iile.ru

Аннотация

Статья посвящена различным видам и формам интертекстуальности, выявленным современными исследователями. От работ Ю. Кристевой и М.М. Бахтина прослежена преемственность к современным исследователям, которые также изучают интертекст как явление, выделяя различные аспекты взаимодействия текстов. Определяются формы проявления интертекстуальности в тексте, в соответствии с критериями, введенными различными авторами. В целом, интертекст можно выделить в любом произведении, и он часто включает в себя круг чтения автора или необходимые для осмысления духовной жизни персонажа идеи. Изучение интертекста в произведениях представляется перспективным в свете появления нового вида текста – гипертекста, ставшего основой современной словесности. В гипертексте ссылки на другие тексты и использование идей заложены в систему, что позволяет читателю самому формировать контент, читаемый им в связи с той или иной темой.

Для цитирования в научных исследованиях

Корниенко С.А., Герейханова К.Ф. Виды и формы интертекста как взаимодействия текстов // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 190-197.

Ключевые слова

Интертекст, интертекстуальность, Кристева, Барт, Бахтин, Гумилев, Гете, Акунин.

Введение. К определению понятия «интертекст»

Интертекстуальность – понятие, которое позволяет говорить о взаимодействии и взаимопроникновении текстов. В первую очередь, интертекстуальность привлекала внимание как литературное влияние. Так, она рассматривалась в работах А.Н. Веселовского и М.М. Бахтина. К современному пониманию интертекстуальности приблизился Ролан Барт. Следует отметить, что сам термин «интертекст» принадлежит Юлии Кристевой – критику из круга Барта. Ролан Барт изучал взаимодействие текстов, выделял множество различных способов их взаимодействия и взаимопроникновения. Его методы изучения в зарубежной лингвистике продолжил применять Умберто Эко, а в российской – В.Н. Топоров.

Главным трудом, послужившим опорной точкой для Кристевой, стала работа русского философа и мыслителя, теоретика европейской культуры и искусства, исследователя языка, эпических форм повествования и жанра европейского романа Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». В этой работе он пишет, что слово по своей природе диалогично, а диалогическое общение – подлинная сфера жизни языка. Это говорит нам о том, что абсолютно любая наша речь – это выраженные в слове позиции разных субъектов. А так как наши позиции разнонаправлены, то высказывания о предмете возникают из-за активного восприятия и столь же активной реакции на другие высказывания о том же предмете. Каждая наша фраза строится с учетом или оглядкой на чужие слова. А в «Проблемах поэтики Достоевского» выделяют экзистенциальный «диалог» и «полифоническое разногласие», также здесь мы встречаем термин «чужое слово», который и послужил толчком к появлению интертекста.

Если у Бахтина диалог происходит между суверенными субъектами, которые обладают личностным «ядром», то у Кристевой – между внеположными индивиду, безличными – сверхсубъектными и досубъектными – словесно-идеологическими инстанциями, которые лишь «встречаются» и «переплетаются» в отдельных индивидах, в свою очередь оказывающихся не чем иным, как подвижными текстами, находящимися в процессе «взаимообмена» и «перераспределения».

Если Бахтин считает, что полифонический диалог – это «интерсубъективность», то интертекстуальность по Кристевой требует «смерти субъекта». Интертекстуальность призвана не дополнить, а непосредственно вытеснить собою интерсубъективность. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что

The kinds and the forms of intertext as an interaction of texts

поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению.

Также одним из «отцов основателей» интертекста можно по праву считать французского философа-постструктуралиста и семиотика Ролана Барта. В его работе «Смерть автора» лейтмотивом выступила идея отсутствия оригинальности у автора. Книга представляет собой совокупность цитат, пересказов и заимствований из другой литературы, которая, в свою очередь, также не является оригиналом.

Исследования интертекстуальности в российском литературоведении

Проблема интертекста также волновала и других исследователей языка. Среди многочисленных статей стоит выделить работу Н. Фатеевой «Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе», в которой интертекстуальность подразделяется на читательскую и авторскую [Фатеева, 2006]. Эти два типа являются не взаимоисключающими, а напротив – двумя сторонами одного и того же явления.

Для автора интертекст – это использование «чужого слова» в системе генезиса текста и идентификации своего авторского «я». Примером может служить явная отсылка к произведениям классического детектива в сборнике Б. Акунина «Нефритовые четки»: так, в повести «Узница башни» действуют заимствованные у Артура Конан Дойля Шерлок Холмс и доктор Уотсон и заимствованный у Мориса Леблана Арсен Люпен, к которым присоединяются созданные Акуниным Эраст Фандорин и его ассистент Маса [Акунин, 2007].

Также в изучении термина «интертекст» стоит рассмотреть труд Василия Москвина по вопросу об интертекстуальности, где разбираются спорные вопросы теории и рассмотрены разные типы интертекстуальности. Интересно введенное Москвиным разделение интертекстуальности на три вида по принципу интенции: запланированная автором риторическая интертекстуальность, не запланированная спонтанная интертекстуальность и намеренно зашифрованная криптофорная интертекстуальность [Москвин, 2013, 16].

Примером запланированной интертекстуальности можно считать, например, явное использование персонажей из «Фауста» Гете в стихотворении Н.С. Гумилева «Маргарита»: в строчках упоминаются Валентин, Маргарита, Марта, сам Фауст, и Гумилев пересказывает сюжет отрывка гетевской пьесы, связанного с историей Маргариты и Фауста. Рецепции Гете наблюдаются и у О.Э. Мандельштама: прямое упоминание имени поэта в стихотворениях 1930-х годов, связанное с большим интересом к жизни Гете, выразившемся, к примеру, в работе над радиопостановкой по его биографии.

Спонтанной интертекстуальностью можно считать проявления у того же Гумилева сближений с «Римскими элегиями» Гете, отмеченное у Н. Оцуа: Гумилев не осуществляет

прямого цитирования, речь идет скорее о близости двух текстов по духу. Интерес к Риму проявляется и у Мандельштама, который, вслед за Гете, считает Рим целым миром.

К случаям криптофорной интертекстуальности следует отнести, например, так называемые криптопародии, подробно проанализированные С.А. Кибальником на материале Гюстава Флобера и А.П. Чехова [Кибальник, 2012, 320-329]. Криптофорная интертекстуальность нуждается в разгадывании – не исключено, что многие слои интертекста скрыты авторами настолько тщательно, что никакой исследователь и читатель не сможет их обнаружить.

Интертекстуальность можно обнаружить как в классической русской, так и в классической зарубежной литературе, поэтому появление термина во второй половине XX века не исключает изучения через его призму литературы XIX века [Кихней, 2013, 46]. Каждый писатель пишет, обращаясь к предшествующему накопленному опыту литературы, к так называемой апперцепционной базе своих читателей. С помощью интертекста он объединяет свое произведение с другими произведениями мировой литературы, опираясь на них, используя явные и скрытые аллюзии и реминисценции.

Заключение

- 1) Интертекстуальность в литературе – это взаимодействие, взаимопроникновение двух и более текстов, порождающее сложное многофункциональное единство авторского видения с апперцепционной базой читателя и его мыслями, и чувствами. Интертекстуальность проявляет себя в форме аллюзии, кодов текста, прямых цитат и воспоминаний.
- 2) Аллюзия – это прием придания выразительности тексту, заключающийся в намеке на ту или иную информацию, которая предполагается по умолчанию известной читателю. Функция аллюзии – вступить в игру с читателем, напомнить ему тот или иной текст, феномен и пр. Автор и читатель текста, в котором есть аллюзия, принадлежат к одному культурному пространству, понимают словесную игру. Особенность аллюзии – в том, что в тексте нет прямого цитирования, нет ссылки на произведение.
- 3) Типы аллюзий можно структурировать по кодам текста, разработанным Роланом Бартом. Он выделяет пять кодов:
 - герменевтический код – разгадывание загадки, которую автор подготовил для читателя (этот прием характерен для очень образованных, начитанных писателей);
 - символический код (использование типичных культурных символов, а также символов, значимых именно для этого автора);

-
- семантический код (использование различных сем, которые вызывают у читателя те или иные ассоциации);
 - проайретический код (использование архетипической ситуации – например, ситуации прогулки, свидания и пр. – автор неизбежно вызывает к жизни ассоциации со всеми подобными ситуациями в мировой литературе);
 - культурный код (то, что обычно называют аллюзией, - отсылка к неким культурным феноменам, высказываниям, символам и пр.).
- 4) Функции использованных в текстах цитат можно обобщить в виде двух основных целей: придание тексту определенной атмосферы или создание образа героя. Если цитата звучит в речи героя, то она показывает его начитанность, либо, наоборот, безграмотность, читатель может судить о его литературных вкусах и пр. Если же цитата является частью авторской речи, то она придает тексту определенное настроение либо намекает на игру с читателем: тот, кто читает текст, понимает того, кто его пишет, они принадлежат к одной культуре и легко считывают одни и те же семантические коды.
- 5) Воспоминания могут выполнять в литературном произведении три основных функции:
- воспоминание как средство раскрытия образа – в таких случаях через воспоминание, поданное в форме внутреннего монолога или ретроспективы от третьего лица, автор показывает формирование характера героя. В русской литературе XIX века воспоминания часто включались в текст произведения, причем не в начале, а в конце, когда все события, связанные с героем, уже произошли; так, например, о детстве автора в «Евгении Онегине» читатели узнают только в последней главе, о детстве Чичикова в «Мертвых душах» автор также рассказывает только в последней главе;
 - воспоминание как средство расширения пространства действия произведения – в такой функции воспоминания часто используются в произведениях, в которых действие происходит в каких-то экзотических или фантастических странах. Так, в романе Уэллса «Машина времени» весь текст является рассказом-воспоминанием;
 - воспоминание как средство воссоздания и художественного переосмысления действительности – в такой функции воспоминание выступает, главным образом, в мемуарах. В ряде случаев воспоминание является основным текстом произведения, а вводящий его текст является рамочным – как, например, в «Театральном романе» Булгакова, где основной текст романа приписывается погибшему литератору, а от автора написана только вводная страница, сообщающая об истории появления этой рукописи;
-

- А.П. Чехов прибегает к принципиально новому средству создания интертекста, который вслед за С.А. Кибальником назовем криптопародией: это текст, который одновременно и переосмысливает в сниженной форме идеи исходного текста, и является «шифром», так как можно читать текст и в качестве не обладающего интертекстуальными характеристиками.

В целом, интертекст можно выделить в любом произведении, и он часто включает в себя круг чтения автора или необходимые для осмысления духовной жизни персонажа идеи. Изучение интертекста в произведениях представляется перспективным в свете появления нового вида текста – гипертекста, ставшего основой современной словесности. В гипертексте ссылки на другие тексты и использование идей заложено в систему, что позволяет читателю самому формировать контент, читаемый им в связи с той или иной темой.

Библиография

1. Акунин Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2007. 704 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с.
4. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 61. №4. 2002. С. 3-9.
5. Кибальник С.А. Рассказ Попрыгунья как криптопародия (Чехов и Флобер) // Чеховиана. Чехов: взгляд из XXI века. М.: Наука, 2012. С. 320-329.
6. Кихней Л.Г. К механизму образования интертекстуальных мотивов: мотивный комплекс «волчьей травы» в русской поэзии XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2013. №1. С.46-58.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Альманах. М., 1993. С. 5-24.
8. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427-457.
9. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 168 с.
10. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: Комкнига, 2006. 280 с.

The kinds and the forms of intertext as an interaction of texts

Sergei A. Kornienko

Postgraduate,
Institute of International Law and Economy,
111024, 21, Entuziastov highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sergeykornienko@mail.ru

Kamilla F. Gereikhanova

Postgraduate,
Institute of International Law and Economy,
111024, 21, Entuziastov highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kamilla@adm.iile.ru

Abstract

The article is devoted to the questions of the intertext in modern science and the forms of its embodiment. The intertext could be traced to the works by Julia Kristeva: the term itself was created in her works which were made as a dialogue with Mikhail Bakhtin and his studies of Dostoevsky. She answered to the concept of “alien word” which was analyzed by Bakhtin and invented the idea of the intertext. This concept is widely spread nowadays in the modern studies of the literature, for instance as an instrument of the analysis of the poems by Gumilev and the detectives by Boris Akunin. The characters’ monologues, the flash-backs of their prehistory, the evident and the hidden quotations are the forms of embodiment of the intertext in the text. The intertext could reveal itself in the forms of rhetoric intertext, spontaneous intertext and the cryptophorian intertext, also two sides of the intertext are called “the author’s” and “the reader’s”. In general, intertext can be identified in any work, and it often includes the circle of reading of an author necessary for understanding the spiritual life of the character's idea. The study of intertext in works seems promising in the light of the appearance of a new type of text, a hypertext, which became the basis of modern literature. In hypertext, links to other texts and the use of ideas are embedded in the system, which allows the reader to form the content he reads in connection with a particular topic.

For citation

Kornienko S.A., Gereikhanova K.F. (2017) The kinds and the forms of intertext as an interaction of texts [Vidy i formy interteksta kak vzaimodeistviya tekstov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 190-197.

Keywords

Intertext, intertextuality, Kristeva, Barthes, Bakhtin, Gumilev, Goethe, Akunin.

References

1. Akunin B. (2007) *Nefritovye chetki* [Greenstone rosary] Moscow: Zakharov Publ.
2. Barthes R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [The selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ.
3. Bakhtin M.M. (1994) *Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo* [The problems of the Dostoevsky's work. The problems of the Dostoevsky's poetics]. Kiev: Next Publ.
4. Fateeva N.A. (2006) *Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstualnosti* [The intertext in the world of texts: counterpoint of the intertextuality]. Moscow: Komkniga Publ.
5. Gasparov M.L. (2002) Literaturnyi intertext i yazykovoi intertext [The literary intertext and the language intertext]. *Izvestiya RAN* [The news of the Russian Science Academy], 61, 4, pp. 3-9.
6. Kibalnik S.A. (2012) Rasskaz "Popryguniya" kak kriptoparodiya (Chekhov i Flober) [The tale "Popryguniya" as a cryptoparody (Chekhov i Flober)]. In: *Chekhoviana: Chekhov: vzglyad iz XXI veka* [The Chekhoviana. Chekhov: the view from the XXI century] Moscow: Nauka.
7. Kikhnei L.G. (2013) K mekhanizmu obrazovaniya intertekstualnykh motivov: motivnyi kompleks "volchiei travli" v russkoi poezii XX veka [To the mechanism of formation of the intertext motives: the motive complex of "wolf hounding" in the Russian poetry of XX century]. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta* [The Diary of Tver State University], 1, pp. 46-58.
8. Kristeva J. (1993) Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, the word, the dialogue and the novel]. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop. Almanakh* [Dialogue. Carnival. Chronotope. Almanac]. Moscow.
9. Kristeva J. (2000) Razrushenie poetiki [The distruction of the poetics]. In: *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [The French semiotic: From structuralism to poststructuralism]. Moscow: Progress Publ.
10. Moskvina V.P. (2013) *Intertekstualnost: ponyatiynyi apparat. Figury, zhanry, stili* [The intertextuality: the apparat of concepts. Figures, genres, styles]. Moscow: Librokom.